Жил Василий Иванович всегда своим умом, ни в кого не верил, ни на кого не надеялся. Бога не отрицал, но и не уповал особенно-то. Был он мужик добрый, в меру застенчивый и упрямый — любил во всём до точки доходить. Да и жизнь как-то сама собой катилась, сильного размышления не требовала: детсад, школа, армия, завод. День по расписанию: работа, дом, диван, работа. Дети подрастали. Выросли дети. Поженились, разъехались. Всё бы хорошо, да тут хлоп! Новые времена. Упразднили завод. Жена уехала на родину (заграница теперь!) погостить, да так и канула у себя в тёплых краях. Остался Василий Иванович один. Прошёл год, второй, третий. На седьмой «холостяцкий» свой год задумываться начал мужик. Смысла в жизни сильно поубавилось. Денег тоже. Не в деньгах, конечно, сила, но когда тебе за пятьдесят, как-то не к лицу по помойкам шастать да бутылки собирать. А всё к этому так и шло. Кому он нужен, старый? Молодые-то вон шляются, не знают, куда приткнуться, не то что он. Крепко подумал Василий Иванович. Подумал, да и решил: «Суицид!»

Умирать страшно, конечно. Но ведь всё равно придётся. И, похоже, жизнь сама очень ускорит этот процесс. Ну что тут гадать, и к бабке не ходи, маленько ещё прижмёт, уволят вот с очередной работы, нечем будет очередные долги отдавать, последние заначки кончатся, дело и до квартиры доберётся. Ну, продаст он её, купит поменьше. Потом ещё поменьше. Потом, неровен час (а случай обязательно представится), от жизни такой он ненароком запьёт, потеряет остатки. А там улица… улица родная.

Нет. Не для него всё это. Стал Василий Иванович способы подбирать. Смерть должна была быть быстрой, обязательно быстрой и по возможности лёгкой. Порядочно он и в жизни-то намыкался, чтобы уж тут себе слабиночки не позволить. Но вот

как? Начал он традиционные методы обдумывать. Первое, что пришло на ум — пистолет. Застрелиться. Оно, конечно, всего лучше. Пиф-паф — и в дамках. Благодать. Легко и быстро. Естественно, пришли в голову разные там литературные герои, раздумья да страдания ихние перед этим делом. Помозговал Василий Иванович в этом отношении, да так и не проникся. Чего тут думать? Нажал на крючок, и баста! Другое дело, где пушку взять? Да и стоит она, наверное, бешеных денег. А покупать придётся, уж наверное, у бандитов. А с ними шутки плохи — свяжешься, не отмоешься. Да и разнюхают если, в чём дело, на квартиру глаз положат. Станут хозяйничать тут грязными руками. Проституток да гадости разной натащат. А здесь каждая половичка, каждый плинтусочек до ума доведён. Всё обласкано да с любовью делано. Что люди подумают? Очень это не понравилось Василию Ивановичу. Пистолет явно никуда не годился.

Вот верёвочку намылить разве? Сделать петельку, другой кончик к люстре привязать. Намылить получше, конечно. Чтоб без задёва. «Сам вниз — душа ввысь», — с чего-то вдруг срифмовал Василий Иванович. Да тут же и подумал: «Врёшь, брат, душа-то, похоже, тоже вниз. Да ещё пониже провалится. Прямо на сковородку. А там уже и ждут тебя с вилками да рогатками. Не годится это. Да ещё глаза от такой картины повылезут, язык вывалится, посинеешь весь. Что люди скажут? Ещё плохо кому-нибудь сделается. А кто-то возьмёт да и плюнет: тьфу, гадость какая! Да и на поминки не придёт. Нет, нет, нет… не дело».

Между нами, насчёт поминок хотел распорядиться Василий Иванович особо. Поскольку родни, можно сказать, у него никакой — предательскую женину родню он не считал, а со своей (по секрету) не знался, напишет он заклинательную записку одной знакомой соседке. Денег даст, конечно. Не откажет. Пусть тогда все язычок-то и прикусят. А жена, если объявится, пусть покраснеет да локти-то покусает, что такого мужика бросила. Так-то!..

С балкона опять же прыгнуть можно. Седьмой этаж всё-таки. Говорят, пока летишь, сердце не выдержит… и готово. Но вот уж в это Василий Иванович не очень-то верил. Сердце у него крепкое, никогда не жаловался, а вдруг сдюжит? Вдруг он в полном

сознании до земли долетит? Да с такой скоростью! Это ж, наверное, страшно больно будет. Всё внутри оборвётся, кровью истечёт. А он возьмёт да и выживи… калекой станет. Кто за ним, за таким дураком, ухаживать будет? Нет. Надо уж наверняка.

Ещё два способа — топиться и травиться — Василий Иванович отринул сразу: противно, мерзко, не по-мужски как-то.

Крепче и крепче задумывался Василий Иванович — всё у него не клеилось. Или гадко и подло для самого себя выходило, или противно. А время-то шло, время поджимало… Но и бес не дремал. Подсунул он в самый последний момент Василию Ивановичу идейку, когда уж тот колебаться стал, как маятник — подумывать параллельной мыслью начал: не в церкву ли сходить, свечку поставить?..

Неожиданно вспомнил Василий Иванович, как помер сосед по гаражу. Дело-то зимой было. Завёз он, то есть сосед, очередную бабёнку в гараж. Большой любитель был насчёт этого дела покойник-то. Конечно, выпили. Закрылись. Навлюблялись. Всё по плану. Мороз, правда, подбадривал. Но мотор для тепла сосед не заводил. Знал, что нельзя, заснёшь — задохнёшься. Расставаться чего-то не хотелось. Решили ещё взять водочки, погреться. Сосед побежал, а бабу-то в гараже закрыл от греха — не увидел бы кто. Ну, дело молодецкое, простое. Взял в гастрономе бутылку, побежал обратно. Встречает жену на дороге. Туда-сюда, деваться некуда, побрёл с ней домой. Дома выпил, закусил, разомлел. Просыпается ночью, толкает жену в бок:

— Гараж, — говорит, — забыл закрыть.

Оделся, побежал. Открывает гараж, а та его ломиком — тюк! Замёрзла, видать, сильно. И машина-то вся ломиком потыкана. Загрустил мужик, затуманился. Выдернул, отнял ломик у бабы. Достал с горя потаённую бутылочку, выпил. А бабёшка-то опять к нему прилезла. Нельзя нашему брату столько впечатлений сразу иметь. Конечно, расслабился, забыл бдительность, завёл движок. Минутку хотел погреться. Да, видно, не рассчитал. По грехам и судьба. Соблазнительница-то как-то сумела вытряхнуться, а на помощь позвать побоялась. Так и молотил моторчик-то всю ночь. Потом заглушили. Как живой, говорят, сосед-то лежал.

Да и без мучений, сказывают, на тот свет отправился. Заснул — и всё. И в дамках. И порядок.

Очень и очень подходило всё это Василию Ивановичу. Начал он к смерти готовиться. Купил три бутылки водки. Чтоб наверняка. На дачу съездил, закуски привёз, чтоб уж всё чин-чинарём. Чтоб всё для души напоследок было. За квартиру заплатил. Соседке заветно-заклинательное письмо написал. Жигулёнок свой старенький до блеска намыл. Деньги ещё оставались. Решил Василий Иванович работу бросить (до работы ли?), отдохнуть перед смертью, подготовиться. Ну, чтоб разговоров не было, отпуск оформил за свой счёт по семейным обстоятельствам. Отдыхал-отдыхал Василий Иванович, целый день отдыхал. Намучился. Мысли самые глупые полезли. И не по делу даже. И даже не мысли — образы. Нет, страшно не было, а глупо как-то. И, между делом говоря, стыдно даже. Вот закроет только глаза Василий Иванович, смежит вежды свои, захочет о чём-нибудь хорошем подумать, а тут привидится ему баба голая, как в кино. Приглядится Василий Иванович, а это даже и не баба, а расточница Валька Сорокина с тридцать восьмого цеха приказавшего долго жить завода родного. Плюнет Василий Иванович, перевернётся лицом к стенке, закроет глаза, а тут ещё хуже: явится ему, ни много ни мало (срам один), хрен в натуральную величину, да в красках, и как бы растёт, увеличивается… Это уж совсем никуда не годится!

Решил Василий Иванович в церковь сходить. Вечер был тихий. Служба как раз кончилась. Купил три свечки — за себя, за жену и детей, за родителей. Подошёл к священнику, который, кстати, сразу ему не понравился — завалящий какой-то, рассеянный. Так и так, говорит, решил покончить с собой. Назад ходу нет.

— Чего ж ты ко мне пришёл? — говорит поп.

— Не знаю, — молвит Василий Иванович, — ноги сами привели. Ну вот, может, молитву какую-нибудь дадите на упокоение?

— Это ты не по адресу попал, — говорит священник, — тебе не сюда надо.

И смотрит так подозрительно.

— Да я, по правде сказать, — вырвалось прямо из сердца Василия Ивановича, — решить-то решил, а душе неспокойно. Может, забыл чего?

И тут же зачем-то быстро-быстро перечислил сделанное.

— Всё вроде предусмотрел, — ухмыльнулся батюшка.

Потом отошёл в сторонку, погладил бороду, подумал малость, поглядел искоса:

— Одного не учёл. Есть одно упущение!

— Какое это?! — Так и подскочил Василий Иванович.

— Надо хотя бы одно доброе дело сделать. Порядок такой. Без добрых дел нельзя. Вот сделаешь доброе дело, а там сам решай.

— Так, значит, Вы не против… — промямлил было Василий Иванович…

Но священник строго перебил его:

— Я не против добрых дел. Одно доброе дело двух злых дороже!

Не помнил Василий Иванович, как из церкви попал в гараж. Уже темнело немножко. Солнце садилось. Было прохладно, но красиво. Кончался август, и кое-где тополёчки покрывались как бы ржавчинкой. Горели кисти рябин. Как-то сладко становилось на душе.

В грудном кармане куртки обнаружились три так и не поставленные в церкви свечки. Крепко-накрепко запер Василий Иванович изнутри гаражные двери. Включил свет. Насыпал в стакан сахарного песка, воткнул свечки, зажёг. Приготовил закуску, налил первый стакан. Задумался. За что же пить? За здоровье? Какой резон? За смерть? И того хуже. За доброе дело! Ага! Точно. За него! Одним духом маханул Василий Иванович полный стакан. Крякнул. Закусил огурчиком. Открыл тушёнку и сходу съел полбанки. Снова задумался. Захотелось курить.

В своём гараже Василий Иванович не курил. Соблюдал технику пожарной безопасности. Но сегодня и свечки горели на верстачке, и день-то совсем особенный был. Можно было бы и в гараже покурить. Но хотелось (пришлось в этом признаться) на волю. Хотелось ещё разочек на солнышко поглядеть. Приоткрыл Василий Иванович дверку, закурил, глянул на горизонт,

а солнышко-то уже и скрылось. Лишь верхушки деревьев светились. Чудно, красиво всё было. Штиль полный. Ни один листик не дрогнет. Весь мир — словно в хрустале.

Вдруг сзади будто кто-то тронул за плечо. Что-то шевельнулось внутри гаража, как бы напоминая: что, мол, брат, давай-давай, делай, что задумал… Опять запер двери Василий Иванович. Налил второй стакан. Выпил без тоста. И вдруг протрезвел. Мысли сделались звонкими и чёткими. Тремя большими золотыми огнями горели тонкие церковные свечи. Пахло церковью. Странно всё это было наблюдать в своём гараже. Сейчас он, Василий Иванович, выпьет ещё стакан водки, потом ещё… Потом заведёт мотор своего кровного жигулёнка, откинется поудобней на сиденье… и в путь. Больно не будет.

Больно-то, допустим, не будет… ну а дальше что? Дальше… Дальше ноль. Не станет Василия Ивановича. Похоронят. Скажут:

— Царствие ему небесное.

А есть ли оно? Если есть, тогда и Бог есть. А если Бог есть, тогда он спросит Василия Ивановича:

— Что же ты, друг, без Моего разрешения сюда пожаловал? И не стыдно тебе?

И выставит его за дверь! Что тогда? А то, что поведут его в другое место… и там спросят… Да тьфу! С чего это мысли такие, что обязательно чего-то там будет? С какой стати? Для какого-такого ляда и затеяно всё? Да чтобы не быть! Чтобы покончить! Чтобы стало тихо, пусто, холодно, темно, мертво… Ноль и тишина. Ни луны, ни солнца…

В дверь тихо постучали.

— Кого это нелёгкая несёт! — ругнулся про себя Василий Иванович, но как-то нечаянно отметил словно лучик надежды в сердце…

— Ещё не хватало, кого несёт? — крикнул Иваныч.

Свечки всё-таки он погасил. Мало ли чего… Открыл калитку. Это была местная пьянчужка-побирушка. Все её знали. Всегда ходила с синяками и большой брезентовой, гремящей бутылками, сумкой. Эта сумка частенько ей служила и подушкой, когда она засыпала по дороге.

— Ну, вот, иду вот, гляжу. Огоньки в щёлочках светятся, и будто ладаном пахнет. Дай, думаю, постучу, может, рюмочку нальют? — стала заигрывать она с Василием Ивановичем.

— Пошла ты, дура, не мешай, — огрызнулся он и закрыл перед её носом дверку.

А только закрыл, тут же и вспомнил. Про доброе дело-то… «Ну, теперь покоя не будет», — сразу решил Василий Иванович и бросился догонять пьянчужку. Конечно же, догнал. Она и не уходила далеко. Дал ей в дорогу бутылку, еды всякой в сумку засунул. Бомжачка тут же и уселась под столбиком, счастливая. Только и слышно было:

— Ах, благодетель, ах, благодетель…

Василий Иванович побыстрее ушёл, прикрыл дверку, закурил. Что-то изменилось в душе. Было там внутри раньше что-то твёрдое, железное, холодное, а теперь потеплело. Да так приятно, словно приподняли над землёй маленько и опустили бережно. Чтоб не делать никаких выводов, скорее забрался Василий Иванович за руль, завёл мотор, откинулся на сиденье. Сначала пощекотало маленько в носу, попершило в горле. Потом будто кто-то слегка ударил по голове и… На небе стояло солнце и большие зелёные деревья. Деревья соединялись в причудливые воздушные аллеи, по которым гуляли небесные существа. Василий Иванович так сильно нажал на газ, что сразу въехал на небо. Прекрасные существа с криком разбежались, а на дороге возник регулировщик. Он остановил Василия Ивановича и потребовал документы. Василий Иванович с блаженной улыбкой обнял инспектора и тут же сообщил ему, что наконец-то сделал задуманное, что наконец-то счастлив, что любит теперь всех-всех, даже жену, даже регулировщика. Но регулировщик посмотрел укоризненно на Василия Ивановича, свет вокруг немного померк. Под глазом блюстителя вдруг появился синяк, и он стал сильно трясти Василия Ивановича за плечи, крича ему в лицо женским голосом:

— У тебя всего одно доброе дело, всего одно доброе дело… Ты мне не мил, ты мне не мил… Ты весь гараж задымил. Очнись, дурак! Очнись, миленький…

И Василий Иванович очнулся. И увидел перед собой пьянчужку с синяком под глазом. Она трясла его за плечи, плакала и причитала. И всё о том, что какой же он, гад-благодетель, тяжёлый, и о том, что еле вытащила его из машины, и что из последних сил приволокла его сюда на травку…

— Чего это она? — подумал Василий Иванович.

И вдруг увидел напротив раскрытый гараж, тарахтящий свой жигулёнок, себя на траве и вспомнил слова священника:

— Одно доброе дело двух злых дороже!

И заплакал. От счастья…